

3. На холодном фронте без перемен (1984 — начало 1985 гг.)

Новый 1984 г. я встречал в рядах Советской армии. Незадолго до всесоюзной трансляции обращения советского руководства наш командир роты выступил перед личным составом. Майор Козлов был человеком по военным меркам интеллигентным и думающим. И его слова, сказанные тогда, являются поистине историческими: «Я далек от мысли, что в эту новогоднюю ночь на нас не будет произведено нападение». «Да, — философски заметил сидевший рядом со мной солдат, — все-таки хорошо, что мы оказались в армии. Здесь хоть есть возможность выжить — нас для этого тренируют. Родных жалко — на гражданке мало кто уцелеет».

* * *

Однако в начале 1984 г. обе сверхдержавы начали снижать накал конфронтации. В СССР это было связано с новым междуцарствием, вызванным болезнью Андропова. Спокойнее стал и тон американской администрации. Р.Рейган так объясняет умеренность своих выступлений начала 1984 г.: *«За три года я с удивлением узнал, что многие из представителей верхушки советской иерархии действительно панически боялись Америки и американцев... Я всегда считал, что из всех наших деяний любому понятно, что американцы — добропорядочный народ, который, начиная с самого рождения государства, всегда использовал его могущество для дела добра во всем мире»*. Вероятно, к таким деяниям президент Америки относил и первое боевое применение атомного оружия, и попытку «вбомбить Вьетнам в каменный век», и недавнее вторжение на Гренаду. Общаясь с «русскими», Рейган *«начал понимать, что многие советские руководители боялись нас не только как соперников, но и как потенциальных агрессоров...»* Причины столь «странного» предубеждения советских руководителей Рейган искал не в политике США, окружившей СССР кольцом военных баз и приблизивших к его территории новые ракеты средней дальности, а в «чувстве незащищенности», пришедшем в историческую память России после вторжений Наполеона и Гитлера.⁷⁸ Последнее тоже справедливо, но является далеко не единственным объяснением опасений советских людей за свою безопасность.

Это «открытие» волновало Рейгана несколько месяцев — в марте он обсуждал его в беседе с канцлером ФРГ Г.Коллем: «Он подтвердил мое убеждение, что Советами, по крайней мере отчасти, руководит чувство уязвимости и подозрения, что мы и наши союзники желаем им зла. Они до сих пор берегут противотанковые сооружения и колючую проволоку, свидетельствующую о том, как близко подошли немцы к Москве, прежде чем были остановлены»⁷⁹.

Сделав свое удивительное открытие, Рейган перешел к более осторожной политике в отношении СССР и даже записал в своем дневнике: *«Я считаю, что Советы настолько одержимы идеей укрепления обороны и маниакально опасаются нападения, что, сохраняя прежнюю твердость, тем не менее мы должны показать им, что никто из нас и в мыслях не держит ничего подобного»*⁸⁰. Впрочем, было и более прозаическое объяснение умеренного курса американской администрации в начале 1984 г., о котором писал сам Рейган: «экономику все еще лихорадило»⁸¹. Федеральный бюджет 1984 г. предусматривал увеличение доли военных расходов с 26,7% до 29%. Военные расходы США к середине 80-х гг. превышали расходы СССР и продолжали стремительно расти.⁸² У Рейгана оставалось все меньше ресурсов для усиления конфронтации, что было особенно важно в условиях избирательной кампании. В 1983 г. экономическое положение СССР еще было устойчивее, чем положение США. Но во второй половине 1984 г. экономический спад в Америке прекратился. Причины этого лежали далеко не только во внутренней политике Рейгана. Американская экономика так же, как и советская, теснейшим образом зависела от мировых цен на нефть. Но зависимость эта была полярной. Падение цен на нефть с 34 долларов за бар-

рель до 20 долларов уменьшало бы американские расходы на энергию на 71,5%⁸³ и позволило бы выйти из сильнейшего экономического кризиса, терзавшего Америку с 1980 г. А для СССР, напротив, энергоносители были важнейшим источником доходов.

Значительную часть мировых нефтяных ресурсов контролировала Саудовская Аравия. От объемов добычи нефти в Аравии зависели цены на нефть, а значит — доходы СССР. Аравийцы всерьез опасались как иранского, так и советского вмешательства с целью установления контроля над их нефтяными ресурсами. Эта «мания преследования» лишь подтверждалась советскими действиями в Афганистане и создавала основу для существенных уступок саудовцев в обмен на американские гарантии безопасности. В 1982 г., дав согласие на поставки систем АВАКС в Аравию, США усилили давление на эту страну с тем, чтобы заставить ее увеличить экспорт нефти и тем самым сбить цены на энергоносители.⁸⁴ Но аравийцы продолжали колебаться до 1985 г. Поддержка американской экономики дорого стоила бы им — высокие цены на нефть продолжали оставаться основой благосостояния нефтедобывающих стран.

Пока «большой насос» в песках Аравии работал по-прежнему, американцы решили начать сбивать цены на нефть с помощью «малого насоса». К. Уайнбергер вспоминал, что уже в начале 1983 г. «мы старались как могли убедить англичан, что нужно увеличить добычу и понизить цены. Вскоре Советы должны были пустить газ по газопроводу в Европу. Если цена нефти не понизится, Европа переключится на газ. Это была бы неслыханная прибыль для Советов»⁸⁵. В 1983 г. британцы стали играть на понижение нефтяных цен, и впервые с начала 70-х гг. цены поползли вниз⁸⁶, нанося ущерб экономике нефтедобывающих стран и «вытягивая» капиталистическую экономику. Но долго Великобритания такую политику проводить не могла. Ее нефтяные возможности были не столь велики, чтобы бороться с ОПЕК, которая согласилась снизить цены только до 29 долларов за баррель. Действия Запада тяжело ударили по их союзникам в арабских странах. П. Швейцер пишет: «Саудовская экономика была почти парализована, доходы от продажи нефти катастрофически падали. Была уменьшена добыча, чтобы стабилизировать мировые цены»⁸⁷. Выйти из положения можно было только прекратив сдерживать цены и наращивая производство. Аравия могла пойти на это в любой момент, нанося тем самым удар по интересам не только ОПЕК, но и СССР.

Изменение цен на нефть стало спасительным для американской экономики. Сотрудник Р. Рейгана Р. Макфарлейн писал о советских руководителях: «В семидесятые годы они объявляли о крахе американской экономики и были вне себя от радости. Их удивило то, что мы стали выбираться из ямы. Это был удар психологического порядка. Они стали терять уверенность в себе»⁸⁸.

Время работало на Америку, и США были готовы поговорить более умеренным тоном. Однако теперь к смягчению отношений не было расположено советское руководство: «Будем откровенны, г-н Президент, — писал Андропов или МИД от имени Андропова 28 января 1984 г., — не полу-

чается делать вид, будто ничего не произошло. Нарушен диалог по важнейшим вопросам, нанесен тяжелый удар по самому процессу ограничения ядерных вооружений. Опасно возросла напряженность. Это и мы знаем, и Вы знаете»⁸⁹. В течении 1984 г. руководители СССР и США продолжали тщетную идеологическую дискуссию, призванную «убедить» оппонента в том, что именно он виноват в мировой нестабильности. При этом стороны продолжали применять зеркальные аргументы, заведомо неспособные убедить другую сторону в чем-либо, кроме коварства собеседника.

Выступая на открытии конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе 18 января 1984 г., А.Громыко обрушился с обвинениями на США: *«другая сторона думала, да и сейчас думает, как бы придвинуть свои ракеты поближе к нашему порогу... Разбойничья, террористическая акция соседней большой страны против гренадского народа — это вызов всему миру... Короче говоря, нынешняя американская администрация — это администрация, мыслящая категориями войны и поступающая соответственно»*. На этот раз Громыко мог отыграться и за обвинения в оккупации Афганистана: *«Милитаризм античеловечен всегда и во всем. Это со всей наглядностью проявляется сейчас в Ливане. Страну буквально рвут на части, ливанскую землю топчет солдатский сапог некоторых из тех государств, представители которых заседают в этом зале. Военно-морская армада США расстреливает ливанские города»*⁹⁰. Однако 7 февраля американский контингент был выведен из Ливана. Сделать тоже самое в Афганистане СССР не мог.

В октябре, во время участия в сессии Генеральной ассамблеи ООН, глава советского МИДа встретился с президентом США. Громыко поучал своего собеседника: «Расчет, возможно, делается на то, что СССР истощит свои материальные ресурсы и в конечном счете вынужден будет сдать. США же заберутся на командную вышку в мире. Этого, господин президент, никогда не будет. Конечно, продолжение гонки вооружений заставит использовать значительные наши ресурсы — материальные и интеллектуальные. Но мы выдержим»⁹¹. Комментируя встречу с главой советского МИДа, Рейган писал: «Громыко был убежден в правильности своей позиции, и я не мог не почувствовать в этом холодном старом сталинисте уверенность в том, что, несмотря на все свои проблемы, коммунизм должен победить капитализм и, очевидно, весь мир станет единым коммунистическим государством»⁹². Верил в это Громыко или нет — останется тайной. Публичные выступления советских вождей были куда умереннее речей Рейгана, который открыто провозглашал, что в ближайшем времени мир будет преобразован по образу и подобию США. О своих впечатлениях от этой встречи Громыко рассказывал на Политбюро: «Человек общительный, лживый, мастер на анекдоты. Но в политике ортодокс. Последовательно ведет линию свою, сдвига никакого. Все читал по бумаге. Доводы собеседника — мимо ушей. Смешал в кучу все проблемы. Невпопад цитировал Ленина, Мануильского»⁹³. Несмотря на различие в стиле общения, собеседники поразительно напоминали друг друга своей ортодоксальностью. Тем не менее было решено согласиться на проведение переговоров по ядерным и

космическим вооружениям (впервые была сформулирована эта связка). Но слова «сдвигов никаких» очень точно характеризовали состояние советско-американских отношений в 1984 г.

И все же в это же время была провозглашена необходимость пересмотра этого старого мышления советских сталинистов и американских консерваторов. Выступая 18 декабря 1984 г. в британском парламенте, в том же здании, где Рейган провозгласил близкое крушение социалистической системы, член Политбюро ЦК КПСС М.Горбачев заявил: «Ядерный век неизбежно диктует новое политическое мышление»⁹⁴.

Последним крупным шагом советской внешней политики времен Черненко стало решение о возвращении за стол переговоров по ядерным вооружениям. Встретившись в Женеве, А.Громыко и Д.Шульц договорились о возобновлении переговоров, которые «должны привести к ликвидации ядерного оружия полностью и повсюду» и предотвратить гонку вооружений в космосе. Выполнять эту задачу предстояло уже новой советской администрации.